

«Первое явление мыслящей себя идеи» определяется как процесс снятия «отрешения» абсолютного знания, т. е. как попытка вернуть «сознание», достигшее формы спекулятивного понятия (уровня, на котором перечисленные схемы рассуждения являются общезначимыми), на ступень абсолютного духа. Дialeктическое становление вплоть до снятия «отрешения» проходит по ступеням следующих трех форм «откровения» (Offenbarung):

1. Вначале абсолютный дух как сущий-в-себе («логическая идея») превращается в инобытие природы. На этом уровне в описательном виде задается неформальная семантическая модель, т. е. ряд не связанных между собой умозаключений вида $E-B-A$.

2. Абсолютный дух приходит в лице конечного духа к частичному тождеству непосредственности и опосредствования. Исходные умозаключения оказываются принципиально преобразуемыми в умозаключения вида $B-E-A$.

3. Абсолютный дух становится чистым для-себя-бытием. Умозаключения уже могут получать вид $E-A-B$, а все понятия оказываются окончательно специфицированными. Итак, полагая в самом себе определенные различия и созидая тем самым предмет в качестве чего-то внешнего по отношению к себе, в качестве того, что имеет форму бытия-для-другого, дух не теряется во всей этой внешности и преобразуется посредством самооткровения в конкретное для себя – в полностью специфицированные единичные понятия. В преодолении инобытия абсолютный дух окончательно открывается самому себе, наполняя собой всю действительность.

Возможность использования диалектической логики в качестве неформально-дедуктивного метода при построении всего философского знания говорит о практической ценности данной системы содержательной логики, имеющей вид исчисления имен. Такая возможность выражает не только преимущества использования данного типа исчисления имен в качестве метода «позитивной» философии, но и логическую актуальность гегелевской логики.

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Философское наследие. М., 1970. Т. 1. С. 84.

² Там же. С. 93.

³ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. М., 1971. Т. 2. С. 35.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. М., 1972. Т. 3. С. 112.

И.А. БЕЛОУС

ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ НЕОПРАГМАТИЗМЕ

В статье предпринята попытка рассмотреть ранний этап творчества известного американского философа, представителя неопрагматизма Ричарда Рорти. На данном этапе своего творчества мыслитель занимается главным образом проблемами аналитической философии, пытается подвести итоги развития этой традиции, начиная с 30-х и до начала 60-х годов XX ст., с точки зрения так называемой «антикантианской революции». Суть этой революции Р. Рорти связывает с работами по логике и философии таких мыслителей, как У. Куайн, Р. Селларс, предложивших отказаться от различия между «спонтанностью» и «рецептивностью» опыта, как это было сделано И. Кантом в «Критике чистого разума», и «схемой» и «содержанием» в трактовке данных мыслителей применительно к феноменам языка.

Обращаясь к «вечным» проблемам философии, Р. Рорти решает их с позиций прагматизма, предлагая синтезировать методы исследования, разработанные аналитической философией, и методы литературно-философской эссеистики.

Творчество Р. Рорти носит новаторский характер для современной философской мысли. Грандиозность проекта новой философской стилистики и идеологии, предлагаемого ученым, а также его честолюбивая мечта преодолеть «раскол культуры» на гуманистическую и естественно-научную, европейскую и американскую – все это заставляет философа направлять усилия на сближение «сциентистки» ориентированной аналитической философии с литературно окрашенной европейской философской мыслью, используя при этом жанр эссеистики.

Интерпретация творчества Р. Рорти требует нестандартных подходов. Применение к его творчеству обычных дескриптивистских методов создает значительные трудности, ибо стиль его дискурса сочетает в себе одновременно и риторику, и рационалистическую аргументацию. Наличие риторики превращает философию Рорти в «закрытую систему», сопротивляющуюся как внутренней, так и внешней рациональной критике. В силу этого ее нельзя ни опровергать, ни развивать далее, исходя из сформулированных в ней принципов, как это происходит, к примеру, с открытыми системами (данный термин используется в попперовском смысле). Трудности усугубляются еще и тем, что основной массив его работы – это «деструкция» предшествующего философского знания, осуществляемая на основе сплава идей прагматизма, аналитической философии и европейского нигилизма, что затрудняет поиск позитивных моментов среди большого массива проделанной им разрушительной работы.

Нельзя не согласиться с точкой зрения Р. Рорти о том, что к его творчеству более подходит метафизическая реконтекстуализация. Но, на наш взгляд, именно стандартный подход, опирающийся на такие критерии, как рациональность и объективность, позволяет наиболее полно осветить данный этап философского творчества мыслителя и показать его отношение к аналитической философии. Применяя данный подход, мы оставляем в стороне стилистические прыжки и метафорические изыски философской мысли Р. Рорти.

Взгляды философа формировались в значительной мере под влиянием аналитической философии и в ее рамках, он во многом «эксплуатировал» наработки представителей этой традиции, таких как У. Куайна, Р. Пантема, Д. Девидсона. Многие их идеи он использует применительно к теории репрезентации и философии языка. «Поэтические» интерпретации Р. Рорти так или иначе связаны с переосмыслением им того, что принято называть основой философии – проблем эпистемологии и философии сознания. Без учета всех этих моментов, а также содержащейся в его трудах полемики с аналитическими и академическими философами пропадает «исходная платформа» философии Р. Рорти.

Путь, по которому идет современная философская мысль, был задан еще Г. Фреге и Б. Расселом. Данный тип ориентируется на мечту И. Канта, отводившего философскому знанию особое место в культуре. Философия выступала своего рода оценщицей всех других форм культуры, объясняя свою привилегию тем, что она обладает знанием неких «фундаментальностей» этих культур.

Как и неопозитивисты, аналитики в целом следуют традиции, берущей свое начало в философии И. Канта, видя в философии некий логический и внеисторический корпус знания, своеобразный автономный сектор культуры, позволяющий оценивать все остальные ее формы. Аналитическая философия и феноменология искали «основания» всех наук и пытались критиковать их. Такие попытки вызывали скорее недоумение тех, под чью деятельность подводились основания или чья деятельность критиковалась.

В силу этого «лингвистический поворот», который совершила аналитическая философия, по мнению Р. Рорти, предполагает возрождение кан-

товских вопросов, поставленных еще в «Критике чистого разума». Строгость и аналитичность, которым отдавали предпочтение большинство философов данной традиции (У. Куайн, Р. Пантем и др.), нашли свое отражение в проведении огромного количества различий, т. е. оснований опыта, отразившихся в языке в виде следующих антиномий: теоретически-эмпирического, случайного – необходимого и т. д.

Данные антиномии по сути восходят еще к кантовским поискам подлинных оснований научного знания и тех существенных различий, с помощью которых можно отличить одни основания от других. Следствием таких усилий выступает интенсивная полиферация или, иначе говоря, умножение конкурирующих и зачастую прямо противоположных друг другу философских проблем. Внешним результатом данных усилий явилось размежевание представлений аналитической философии на множество групп в зависимости от толкования им критериев и оснований научного знания. Аналитическая философия, таким образом, распалась на кланы, конкурирующие между собой закрытые группы. «Во взаимосвязанных центральных областях аналитической философии – эпистемологии, философии языка и метафизики, – пишет Р. Рорти, – сегодня существует столько парадигм, сколько насчитывается главных философских факультетов... Их поле в наши дни – джунгли конкурирующих между собой исследовательских программ, которые по мере того, как проходят годы, по-видимому, будут иметь все больший период полураспада»¹ (тут и далее перевод с англ. автора. – О. Б.). Мыслитель полагает, что аналитическая философия в XX в. приходит к своему логическому завершению, она распадается на множество закрытых систем, имеющих непродолжительный период существования и рассматривающих узкие проблемные области.

Аналитик мечтает о научности, но его мечта, по утверждению американского мыслителя, построена на вере. Речь идет о возможности обоснования всех явлений, наблюдаемых в мире, с помощью разума и веры в возможность создания универсального словаря, описывающего и отражающего все происходящие в мире процессы и пытающегося их объяснить. По мнению Р. Рорти, такая вера и составляет главный стержень идеологии оправданности или фундаментализма. Динамикой этой идеологии является поиск явных и четких критериев знания, проведение операции отделения истинного от ложного.

Прагматизация опыта Н. Гудменом, показ несостоятельности догматов эмпиризма У. Куайном, аргументы К. Селларса относительно социальной нагруженности любых презентаций опыта и, наконец, атаки Д. Дэвидсона на референциальную теорию значений – все это нанесло удар по представлению, согласно которому оправдание знания возможно лишь с помощью апелляции к каким-то основаниям, не входящим в лингвистический каркас². Вышеназванные философы показали, что знание не обладает твердыми основаниями, так как «данные» опыта не репрезентируют «подлинности». Исходя из вышесказанного, Рорти делает вывод о том, что ни когерентная, ни корреспондентная теория Истины невозможны. Таким образом, в последние десятилетия канон аналитической философии действительно расшатывался изнутри: в ее рамках было накоплено множество таких результатов, которые нарушили главную связку аналитической философии: «Решение проблем – познание – знание».

Критические аргументы, направленные против фундаментализма, носят, по мнению Рорти, неопровержимый характер. Они и позволяют ему сделать вывод относительно объекта философской деятельности: то, что люди часто принимают за «философскую проблему», в действительности представляет собой не что иное, как продукт бессознательного принятия посылок, которые встроены в словарь, и ту традицию, в которой эта проблема формируется.

В процессе своей эволюции понятие «логический анализ» обернулось как бы против себя самого; в силу этого оно обречено на медленное самоубийство. К этому также ведет критика «научного» языка, которую производили Л. Витгенштейн (в своих поздних работах)³, У. Куайн, Т. Кун и др. Итогом всего вышеперечисленного явилось то, что аналитическая философия оказалась без генеалогии и чувства перспективы. Для преодоления сложившейся ситуации она нуждается в радикальной «терапии», под которой подразумевается элиминирование и разрушение жесткого каркаса предыдущей философской традиции, идущей от Декарта и Канта. В первую очередь данная «терапия» должна быть применена к так называемым «вечным» проблемам философии (поиск абсолютной истины, психофизиологическая проблема и др.).

Основной характеристикой современной эпохи с точки зрения неопрагматизма является крах идеологии оправдательности, или фундаментализма. Данный крах показал невозможность построения какого-либо знания, базирующегося на вере в миф, в том числе и о существовании Абсолютной Истины в качестве основного научного критерия научного знания.

Процесс разрушения аналитической философии происходил как бы изнутри, ибо деление ее на множество закрытых систем, изучающих определенные области научного знания, не способствовало целостности данной традиции. Несмотря на то, что она (аналитическая философия) пыталась выйти за пределы предшествующей философской традиции, идущей от Декарта, и преодолеть метафизику с помощью математических и логических методов, эта попытка оказалась несостоятельной и привела к глубокому кризису.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что аналитическая философия находится сегодня в глубоко кризисной ситуации, в которой виновата, по мысли американского философа, только она сама, так как не смогла осуществить свои изначальные установки по преодолению «псевдопроблем» философии, а именно поиска Абсолютной Истины и точных репрезентаций.

Р. Рорти пытается рассматривать различия между аналитической и другими направлениями философии, исходя из метафилософских позиций. Он отстаивает взгляд, согласно которому аналитическая философия становится разновидностью дисциплины, которую можно найти в других областях гуманитарного знания. Таким образом, он расценивает работу аналитиков как свободное литературное творчество, которое имеет некоторые стилевые и языковые особенности, и предлагает считать равнозначными философские взгляды тех мыслителей, которые претендуют на научность, и тех, которые на это не претендуют. Аналитическая философия, по мнению Р. Рорти, не имеет особого предмета, метода, функций: она исторична, а язык, который она использует, наполнен метафорами. «Терапию», которая излечит ее от серьезных «недугов», нужно применять в первую очередь по отношению к гносеологизму, унаследованному от европейской традиции (имеется в виду декартовско-кантианский канон).

Главным симптомом кризиса, о котором столько говорит мыслитель, является появление специфических отражательных терминов, примером чему может служить определенный языковой аппарат – «сознание», «знание», «теория», «репрезентация», «полиферация» и др. Гносеологизм проявляется в представлении о философии как «зеркале природы», главной функцией которого выступает точное отражение всех существующих процессов. По мнению предыдущей философской традиции, наш ум содержит множество репрезентаций, некоторые из которых являются истинными, некоторые – нет. Задача философии – с помощью правильных методов выявить истинные репрезентации и элиминировать неточные, отнести последние к ре-

шению очередной «вечной» проблемы, то есть сделав еще один маленький шаг к достижению Абсолютной Истины.

На первом этапе аналитическая философия сама боролась против гносеологизма, разыскивая наиболее сильные аргументы против него и пытаясь подорвать его основы (описать и проследить ход данной борьбы не является нашей целью). Однако полностью побороть гносеологизм ей так и не удалось, так как она продолжала смотреть на свой предмет как на обладающий специфическим знанием, недоступным для других наук и обладающим внеисторическим и универсальным словарем для описания всех культурных явлений.

Таким образом, по мнению Р. Рорти, аналитическая философия должна рассматриваться не как специфически новое знание, а как один из вариантов кантовской философии, так как она «все еще устремлена на констатирование вечного, некой нейтральной модели изучения, и, таким образом, создает каркас для исследования всей культуры»². Хотя все сказанное Р. Рорти в адрес аналитической философии выполнено в деконструктивистском ключе, оно, на наш взгляд, имеет и ряд позитивных моментов: анализ менталистского языка, исторические экскурсы и обзор современного состояния дел в других областях философии. С целью очищения философского знания от гносеологизма Р. Рорти предпринимает попытку девальвировать рациональное, обращаясь к историческому аргументу, считая его необходимым и достаточным. Он утверждает, что давний спор между фундаментализмом и антифундаментализмом уже окончательно решен в пользу последнего.

Очень часто Р. Рорти упрекает таких представителей аналитической философии, как У. Куайн и К. Селларс, в том, что они не порвали с неопозитивизмом. Но, на наш взгляд, не сделал этого и сам Р. Рорти. Он исходит из допущения, что если неопозитивистам и аналитикам, которые были за ними, не удалось указать на нити, связывающие знание с предметом, то идею нитей следует вообще отбросить. Рорти мыслит по принципу «или – или»: либо жесткий эмпиризм и сциентизм, либо метафоризм. Разочарование в гносеологических возможностях разума у мыслителя связано с разочарованием в эмпиризме и верификационизме. Р. Рорти напоминает еретика, который, обнаружив изъяны в религии отцов, отверг все возможные религии, но свое секулярное воззрение строит только по оппозиции к верованиям последних. Нельзя не согласиться с мыслителем в той части его рассуждений, которые касаются критики аналитического типа философствования – его замкнутости, локальности по отношению к другим системам и т. п. Однако вряд ли он оказывается прав, когда говорит о полной девальвации рационального с помощью историцистского аргумента.

Подводя итоги, можно констатировать, что, подвергая критике аналитическую философию за строгую приверженность логике и математике, Р. Рорти в то же время использует в своей философии целый ряд наработок мыслителей, принадлежащих к этой традиции, а именно: любой человеческий опыт прагматизирован, любая репрезентация опыта всегда социализирована, в том числе и то, что было наработано аналитическими философами в области языка. Таким образом, можно говорить о том, что и сам мыслитель оказался в плену у данной традиции, так как, несмотря на всю свою критику, он по сути использует методы самой же аналитической философской традиции.

¹ Rorty R. The post-philosophical culture. The texts for summer school. Mn., 1993. P. 182.

² Rorty R. The consequence of pragmatism. Minniapolis, 1988. P. 98.

³ Rorty R. The american scholar. New York, 1982. Vol. 51. P. 182.

⁴ См.: Витгенштейн Л. Логические исследования. Мн., 1994.

⁵ См.: Рорти Р. Философия и зеркало природы. М., 1999.

